
Анна КОЧАРЯН

***

— Время — река, — говорит Фетида и держит дитя за пятку, —
вопреки всем пророчествам и богам, пусть будет легко и сладко
тебе, ну а время — река: как нельзя войти в ее мертвые воды дважды,
так и время, Ахилл, ни поймать нельзя, ни назад обернуть; как каждый
ледяной поток на кистях твоих оставляет большие капли
(я знаю, Ахилл, что ручки твои и ножки твои озябли),
так и время течет золотой рекой, оставляя на них морщины
(не кричи, сынок, не реви, Ахилл, ты же воин, Ахилл, мужчина),
у тебя в глазах от меня — вода и застывшая синь морская,
пусть целебные волны плечи твои и пясти твои ласкают,
пусть крепнут в них кости и ширится плоть, тугими пусть станут жилы,
пусть будет в тебе мало злости, Ахилл, но много пусть будет силы.
— Время — река, — говорит Фетида, — и мне говорят, что поздно:
смертен сын твой, Фетида, так надо богам, так на небе сложились звезды,
жребий брошен, и тонкая нить сплетена, и путь твой уже отмерен —
все давно решено, говорят мне, Ахилл,
но я никому не верю.

***

Мой добрый хозяин, в доме твоем смешалось
все, и мне одному не справиться с этим домом,
приходи и владей, не нужно дарить чужому
и то малое, что еще у тебя осталось.

Мой добрый хозяин, до нас долетают вести,
будто ты одолел Аякса и греки разбили Трою,
для меня ты всегда был героем,
самым большим героем,
и я тебя жду, мой хозяин,
на том же месте.

Твоя Пенелопа стала опять невестой,
вышивает полотна из шерсти и тонкого хлопка.
Я не знаю, хозяин, ждет ли тебя Пенелопа,
но я тебя жду, мой хозяин,
на том же месте.

Телемах твой подрос, вымахал, стал мужчиной
(солнце греет мне шкуру, но холод пробрался в кости),

Анна Арамовна Кочарян родилась в 1995 году в Ереване, в 2013-м переехала в Германию. Окончила медицинский факультет Гейдельбергского университета. Стихи публиковались в журнале «Юность».

я уже не рычу, когда ночью приходят гости
распивать в твоем доме мед, молоко и вина.
Во мне не осталось гнева для верной мести:
пока ты пропадал, я ослеп и оглох,
обезумел.
Мой добрый хозяин, но я еще жив, я не умер,
и я тебя жду, мой хозяин,
на том же месте.
Мне мерещится, что не двадцать прошло, а двести
лет, от тоски и сна у меня тяжелеют веки.
За все это время я, кажется, стал человеком,
пока ждал тебя, мой хозяин,
на том же месте.
Ты мне снишься, хозяин, лихие заводишь песни,
теребишь за холку — я молод, готов к охоте.
Возвращайся, хозяин, домой, если жив,
если хочешь,
я тебя буду ждать, мой хозяин,
на том же месте.

* * *

ночь чернела над долиной,
тлели звездные шары,
серебристые маслины
отдыхали от жары.
шелестела тьма в деревьях,
тени вились у огня,
луны висли над деревней,
пастушок считал ягнят.
тлело теплое кострище
синим дымом вдалеке,
был пастух царем и нищим,
пел на птичьем языке.
про языческое племя
три стиха сложил певец.
желтоглазый старый демон
заплутал среди овец.
убаюкал ветер пламя,
освещал огонь лицо,
грудь. на пальце безымянном
пастушок носил кольцо.
скатерть, мед, горшочек с жиром
от хозяйки молодой.
— вот тебе мешочек мирры
на цепочке золотой.
ночь серебряною ложкой
размешала небеса.

из отары вышла кошка —
бархат, желтые глаза.
пахло мятою и сеном,
вол мычал, точил рога,
кошки тень ловила тени,
льнула бархатом к ногам.
заиграл пастух на флейте —
рыбы замерли в морях,
пел пастух о белом свете —
о тоске, любви и смерти,
о царицах и царях.
птичий гул стоял над миром —
был пастух тому виной.
ел пастух лепешку с сыром,
запивал ее вином.
между будущим и прошлым
тлели звездные шары.
пастушок погладил кошку
и назвал ее Шалим.

* * *

Иону немного тряслось, потому тошнота подступала к горлу.
Мысленно Иона оттачивал речь, представлял свой осиплый голос,
говорящий «люблю» на чужом языке, повторял и спрягал глаголы.
Мысленно Иона уже облетал этот душный и грязный город.
В теплой утробе, в кромешной тьме, скрипели китовые кости;
Срываясь с пророческих уст, его речь обрастала тяжелой плотью,
теряла исконные смыслы и вновь обретала другие смыслы.
Иона боялся летать, потому старался забыть о выси.
У меня для вас, говорил про себя, довольно плохие вести,
Слова его уносили к реке его мысленный южный ветер.
Иону немного тряслось, потому тошнота подступала к горлу.
Его мысленная толпа с детьми, скот, обозы плелись на гору.
Там, на мысленной желтой горе людей и зверей оставил,
Иона нащупывал тонкую грань меж грязью и зыбкой явью.
Иона очнулся, опять ощущал свирепый щемящий голод.
Иону немного тряслось, потому тошнота подступала к горлу.
А где-то за линзой китовых глаз, за синей вселенской осью,
его маленький мысленный космос вливался в синий вселенский космос.
Иону немного тряслось, потому тошнота подступала к горлу.
И в этой китовой утробной тьме, в тиши, с тошнотою в горле,
Иона вспомнил зачем-то:
Иона — это голубь¹, большой белокрылый голубь.

¹ Ивр. **תּוֹרֵךְ** — голубь.

* * *

когда я умру,
преврати мою душу в послушное синее море.
я хочу, чтобы в ней отражались луны, тонуло горе,
зарождались жемчужины в волнах, в воде и соли,
я хочу, чтоб душа моя больше не знала боли.
преврати ее в море.
превращенья в твоей власти.
пусть ее бородят рыбаки, кидают снасти,
мы пошлем им попутного ветра, к добру и к счастью.
я хочу, чтоб душа моя больше не знала страсти.
преврати ее в море.
когда я умру,
преврати мои волосы в шумные скорые реки,
мои руки в ветки, в лепестки мои мертвые веки,
мои плечи — в горы, укрой мои плечи снегом:
я хочу позабыть, как это — быть человеком.
когда я умру,
преврати меня в легкое слово,
я, как птица, буду, как птица из рук птицелова,
вылетать из уст в уста, растворяться, рождаться снова.
я еще не готова,
но когда я буду готова,
преврати меня в слово.

БОГУ

иногда я больше всего хочу
рассказать как другу, шепотом, как врачу,
где болит, где мертво, о чем молчу,
приобнять, прислониться к старческому плечу,
расспросить о разном: как сотворить любовь,
бесконечное звездное небо и певчих птиц,
не земля ли — плоть? не вода ли морская — кровь?
то ли простить тебя,
то ли сказать «прости».
одиноко ли, страшно ли в царственной тишине,
без журчания, щебета, шелеста, слов, весны?
я возьму тебя за руку:
может, расскажешь мне,
снятся ли Богу простые земные сны?
попрошу у тебя на прощанье мирских чудес,
ровных, верных путей, пару весен и пару лет
и услышу в ответ: «жизнь — игра, в жизни нет чудес.
но и смерти, по сути. смерти ведь тоже нет».